

Е. СЕРГЕЕВ

Без подсказки

Эта повесть начинается сразу с главного, с того основного и практически единственного события в ней, которое изменит судьбы большинства персонажей и окажется на протяжении всего повествования центром напряженных споров и трудных раздумий.

«В глубине дома номер шесть по улице Менделеева во втором часу ночи раздался выстрел». Дальше будет не розыск преступника, а поиск истины, не погони и драчи, а длинные диалоги, где каждый из героев, комкая от волнения фразы, станет доказывать свою правоту; многочисленные неожиданности и непредвиденности, непредсказуемость поступков и их обоснований. Повесть Тендрякова не запутанный детектив, а сложная, может быть, даже нарочито усложняемая автором морально-психологическая задача.

Вот условие поставленной задачи: девятиклассник, пятнадцатилетний парень Коля Корякин убил своего отца — Рафаила Корякина, притом убил не случайно, не в состоянии шока, а сознательно, отчетливо понимая, что он делает. Убил за то, что отец — пьяница и домашний изувер, в течение многих лет не ведая трезвости, каждодневно избивал свою жену, избивал мать на глазах у сына, оскорблял, унижая тем самым и ее и его. Более того, знал, что сын в своей ненависти доведен до крайности, словно провоцируя, проверяя его, глумясь над ним, запретил жене снять со стены и спрятать охотничье ружье.

Писатель ставит традиционный вопрос «Кто виноват?» несколько иначе: кто признает себя виноватым? Кто возьмет на себя ответственность? Кому совесть прикажет назваться соучастником? Такая постановка вопроса выявляет первую неожиданность повести. Права на подсудность (если употребимо такое сочетание) требует большинство действующих лиц.

Мать Коля Анна доказывает, что именно ее безволие, ее боязнь лишиться какой-никакой, а все-таки мужниной зарплаты, ее страсть к состраданию (муж побьет, а сын пожалест — «Как Рафашка без водки, так и я без Колюхиных страданий не жилища!»), ее упорное нежелание разводиться с пьяным самоду-

ром и привели, по ее мнению, в конце концов к трагедии. И Евдокия — Колына бабка по отцу — тоже отстаивает свою долю вины за то, что от нее «беда пошла», за то, что «сына худого вырастила», знала, что «страшон людям», а не остерегла других от него. Считает себя соучастницей и Людмила Пухова — давняя подруга Анны, сосватавшая ее за «бешеного Рафашку», а точнее, прикрывшаяся ею от притязаний Рафаила Корякина, обещавшего убить Людмилу, если та за него не выйдет замуж. Даже два «алкаша» Соломон и Данила, прозванные Самсоном и Даллою — сотрудники и собутыльники старшего Корякина, — являются с повинной: ведь именно они спаивали «покойного Рафочку», зная наперед, чем это может кончиться.

Но главную часть вины берет на себя учитель Коля — Аркадий Кириллович Памятнов — человек многогранный, сложный, противоречивый. Воевал в Сталинграде, после победы стал учителем, преподавал литературу. Но не школьную дисциплину, названную литературой (биография писателей...), что проходит «красной нитью» через творчество... о чем говорит «образ лишнего человека», а литературу как хранилище человеческого нравственного опыта. Он ввел в школе своеобразную игру в достоинство. «Кто чувствовал в себе силу, выискивал случай кинуться на защиту слабого; слабый гордился собой, если мог сказать нелицезнующую правду в глаза сильному; невиновный сносил наказание за чужие грехи молча, но горе тому, кто трусливо допустит, чтоб за его вину наказали другого...» И вот теперь Аркадий Кириллович нет, не понял, а скорее почувствовал, что именно его наставление: «Не жди, когда за тебя все сделают другие», — и побудило его ученика самому вынести приговор и привести его в исполнение. Памятнов еще не знает, где кроется ошибка воспитания, но постоянно ощущает гнет ее неисправленности, опасность новых возможных катастроф.

И вот когда «соучастники» разделили меж собой весь криминал и тем самым дали Коле Корякину полное моральное алиби, он вдруг сам берет на себя всю полноту ответственности — не юридической (до суда повесть читателей не доведет), а моральной. Суть не в размере наказания, а в мере осуждения и самоосуждения. Из двуединства — преступление и наказание — Тендряков выделяет первую часть и стремится понять: в чем же преступление? Где кроются его истоки? Вот, пожалуй, основной вопрос поставленной им нравственно-психологической задачи.

В. Тендряков решил раскрыть по сути своей романную тему на объеме повести. Несмотря на очевидную плотность, густоту письма и сконцентрированность действия, тема не умещается на пространных менее сотни журнальных страниц. Поэтому некоторые диалоги излиш-

не торопливы, и, главное, неоправданной кажется авторская скороговорка при описании характеров Рафаила Корякина и Аркадия Кирилловича — двух полюсов, разность которых держит все напряжение повести.

Какие-то черточки характера Рафаила мы узнаем на протяжении всей повести из показаний «самообвиняющихся». Однако первое определение «в беде родился, бедой и кончил... Сатаной клейменный» остается доминирующим. Воспоминания о том, что приручил он однажды бездомного «кабыздоха» и еще как-то птичку пожалел, едва ли что меняют, ведь известно: жестокие люди часто сентиментальны и нередко привязываются к собаке за то (как заметил Н. Рубцов), что она «одному человеку — друг, а остальным — враг». Рафаил так и остается «исчадьем ада». Иных оснований для его постоянного пьяного куража и глумления автор не дает.

Памятнов, напротив, — воплощенное благородство. Всего лишь полжурнальной странички отдает автор описанию того, как «гвардии капитан» стал непререкаемым авторитетом в нравственном воспитании. О его семье, о его жизни, то есть о том, чем готов он поступиться ради отстаивания своей правды, мы вообще ничего не знаем.

Трудно отказаться от соблазна признать Аркадия Кирилловича литературным поверенным автора, его полномочным представителем внутри произведения, человеком, прошедшим «горный путь» от неведения к убеждению. Но, думается, это не так. Потому, во-первых, что упрек в излишнем самомнении, брошенный ему директором школы, бездоказателен. Памятнов уверен, что именно он создал Колю таковым, каков тот есть, именно его система воспитания, его «игра» в достоинство в конце концов привели к трагедии. Это самоунижение паче гордости. Из повести же ясно, что все гораздо сложнее, потому что на парня жизнь навалилась «всем своим запутанным содержимым». Во-вторых, Аркадий Кириллович сменит ведь одну «неправильную» систему на другую — «правильную». Он даже успел наполовину сформулировать ее. «Ну а если б в иные обстоятельства он попал, в нашей школе хотя бы, — каждый день сталкивался бы с сочувствием к себе, твердо знал, что может рассчитывать на отзывчивость... Скажите, могла бы ему прийти тогда в голову мысль — убью ненавистного отца?..»

Сулимов, подобравшись, сидел, озадаченно помигивал. Аркадий Кириллович решительно ответил за него:

— Любая другая, но только не эта!»

И в данном случае, как и прежде, Памятнов снова «решительно отвечает» за других. Он единственный из персонажей повести, дающий под конец ответ почти готовый, а потому и неверный. Ибо каждый сам для себя должен решить эту

нравственно-психологическую задачу. Тендряков стремится лишь обжечь нашу совесть, так как «люди с опаленной совестью способны на многое» — вот тут, пожалуй, герой и впрямь высказывает мысль автора.

Бор. ЛЕОНОВ

Во власти жизни

В творчестве настоящего художника, в каком бы жанре он ни выступал, к какому бы жизненному материалу ни обращался, все оказывается органично взаимосвязанным и взаимообусловленным. Справедливость сказанного подтверждает и новая книга Анатолия Софронова.

Ее открывает поэма «Бочонок», написанная в 1939 году, когда еще никто не мог предположить, включая самого автора, что десять лет спустя дорога творческого развития выведет его к драматургии, которая и составит одну из самобытных и привлекательнейших сторон его художественного мира. Именно в этой короткой, исполненной народной юмором поэме, пронизанной той доброй наивностью, в которой всегда ощутима народная мудрость, угадывается драматический талант А. Софронова. Собственно, «Бочонок» — это жанровая сценка, в основе которой незатейливый жизненный конфликт, возникающий между традиционными для народной сказки персонажами, жившими в казачьей станице на берегу Дона. Бабка спрятала бочонок вина. А когда дед обнаружил тайник, застав бабку за перепрыгиванием бочонка, явился сын из Красной Армии, и вино оказалось очень кстати.

В «Бочонке» можно увидеть не только драматургическую природу таланта А. Софронова, но и угадать будущую комедию «Старым казачьим способом», написанную им в начале семидесятых годов, точно так же, как нельзя не ощутить внутреннюю взаимосвязь его поэмы «Плиев под Одессой» и «Бессмертие», написанных уже в послевоенные годы, с песнями, стихами, да и с теми же поэмами военных лет — «Батажок», «Золотой берег», «Миус». И в этих же поэмах, но всегда еще ровных, но искренних по запечатленному чувству любящего и страдающего человека, когда его сердечное отношение к жизни обострено до предела огнем войны, нельзя не почувствовать предвосхищение той пронзительности откровения, какое осветит вы-